

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

И

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

ПОЛЕВАГО.

МОСКВА.
1849.





ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

И

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

ПОЛЕВАГО.

ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ
И
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ
НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА
ПОЛЕВАГО.

—

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Зах. Крылова.

МОСКВА.
1849.

Въ типогр. Лазарев. Инстит. Восточн. языковъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 26 го дня, 1846 года.

Ценсоръ *В. Флеровъ*.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ
И
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ
ПОЛЕВАГО.

По дикимъ окрестностямъ отдаленнаго города Сибири, Иркутска, гулялъ, съ книжкою въ рукахъ, мальчикъ, сынъ тамошняго купца. Онъ перечитывалъ книжку—Русскій, переводъ жизнеописанія великихъ мужей, Плутарха, восхищался великими людьми, и, перебѣгая съ

мшистой тундры на тундру, мечталъ сдѣлаться самъ великимъ человѣкомъ. — »Но это были однѣ мечты!» скажете вы.—Да, такъ, часто, къ прискорбію, мы должны говорить про мечты другихъ людей, но мечты этого мальчика обратились въ дѣйствительность!

22-числа февраля 1846 года, въ 11 часовъ ночи, преставился въ Санкт-Петербургѣ этотъ мечтатель, достигнувъ сорока девяти лѣтъ и осьми мѣсяцевъ своей жизни. На другой день, о кончинѣ его уже зналъ весь Петербургъ, откуда, на крыльяхъ печатныхъ листовъ, разнеслась вѣсть

эта по всему Царству Русскому. — 28 февраля, когда посреди многочисленнаго собранія народа всѣхъ званій, наполнявшаго церковь и, даже — не смотря на дурную погоду — ограду церковную, отпѣли почившаго, положеннаго, по собственному завѣщанію, въ простой крашеный гробъ, то признательные друзья не допустили поставить его на одръ, взяли гробъ на рамена свои и понесли на кладбище... И къ памятнымъ могиламъ, холмящимся на землѣ Русской, прибавилась еще одна могила, проходя мимо которой, остановится каждый просвѣщенный Русскій и, поклонясь ей, скажетъ: »Здѣсь поко-

ятся бренные останки *Николая Алексѣевича Полеваго.*»

Есть памятныя могилы, углубляясь мысленнымъ взоромъ въ которыя, мы, хотя ошибочно, но думаемъ: »Почившій! смерть свела тебя въ могилу на половинѣ твоего подвига, не дала окончить его на пользу твоей родины. И сердце наше сжимается страхомъ о непрочности земнаго бытія нашего, о неполнотѣ его, и невольно ропотъ на судьбу почти готовы прошептать уста наши. Но есть другія могилы, взоръ на которыя умиляетъ насъ, являетъ намъ жизнь во всей прекрасной полнотѣ ея, это—могилы избранниковъ

Божіихъ, вполнѣ, ясно совершившихъ свой подвигъ на землѣ. Смерть ихъ была прекраснымъ закатомъ солнца послѣ краснаго дня. Такое чувство святаго умиленія порождаетъ въ насъ могила Н. А. Полеваго.

Жизнь его, просто взятая, да послужитъ намъ свидѣтельствомъ силы воли человѣческой! Полевой, казалось людямъ, назначенъ былъ рожденіемъ къ простому поприщу. Онъ началъ учиться около двадцатыхъ годовъ своей жизни, и притомъ образовалъ себя самъ, безъ помощи школъ и Университетовъ. Въ этомъ смыслѣ жизнь его, живое изображеніе словъ Спасителя: *Просите и*

дастся вамъ, толцыте и отверзется.

»Желалъ бы я—говорилъ Поле»вой»—пересказать юному, свѣжему »силами поколѣнію мою собственную »жизнь, то, чего стоило мнѣ испол»неніе мечты моей, еще въ дѣтствѣ »увлекавшей меня въ міръ фанта»стическихъ созданій и труда ум»ственнаго, чего стоило мнѣ стара»ніе стать въ ряду другихъ современ»никовъ, имена которыхъ волновали »душу мою съ самыхъ юныхъ лѣтъ.»

И Полевой разсказалъ это, разсказалъ, какъ сила воли »перевела его изъ купеческой конторы и во-

дочнаго завода въ кабинетъ литтератора и ученыя Академіи, и простаго купца сближала съ столь многими достопамятными людьми не только Русской литературы, Россіи, но и Европы нашего времени.»

Изъ этого собственнаго жизнеописанія Полеваго мы заимствуемъ жизнь его до появленія на поприщѣ литературномъ (*).

(*) И заимствуемъ почти слово въ слово; но дѣлая сокращенія и прибавленія отъ себя, мы сочли за лучшее въ разсказѣ Полеваго перемѣнить первое лице мѣстоименія на третье. Мы не смѣли пересказывать другими словами то, что такъ увлекательно разсказалъ про себя самъ Полевой.

Н. А. Полевой родился въ Иркутскѣ 22-го Іюня 1796 года. Отецъ его Алексѣй Евсѣевичъ, былъ уроженецъ города Курска, гдѣ старинный и почетный посадскій родъ ихъ отличался всегда смѣлою предпріимчивостію. Но состояніе дѣда Полеваго разстроилось отъ возмущенія въ Персіи, съ которою онъ велъ обширную торговлю, и наконецъ онъ совершенно раззорился отъ Пугачевщины. Тогда-то Алексѣй Евсѣевичъ, будучи лѣтъ четырнадцати, былъ принятъ, по просьбѣ матери своей, въ услуженіе по откупной части, родственникомъ ихъ, богатымъ Сибирскимъ откупщикомъ Голиковымъ, и отправленъ въ Сибирь,

въ городъ Тобольскъ. Тамъ, вскорѣ онъ заслужилъ благосклонность и довѣренность хозяевъ. Потомъ, уже спустя нѣсколько лѣтъ, Голиковъ помѣстилъ его при своихъ дѣлахъ Американской Компаніи. Въ это время отецъ Полеваго поселился въ Иркутскѣ и женился тамъ на бѣдной сиротѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ примиреніи ссорившихся главныхъ членовъ Американской Компаніи, имѣлъ свой пай въ ней, за который получа отхода сто тысячь рублей, занялся собственными торговыми дѣлами. Но отважность по торговлѣ, доброта и довѣренность къ людямъ скоро разстро-

или его торговлю, такъ - что онъ едва могъ заплатить долги. Послѣ этого онъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда ѣжалъ не одинъ разъ и прежде. Тамъ члены Американской Компанiи поручили ему, какъ человѣку свѣдущему, управлять конторами Компанiи, находящимися въ Иркутскѣ и Охотскѣ. Но, вскорѣ онъ долженъ былъ оставить это занятiе. На послѣднiя небольшiя деньги свои онъ устроилъ выдѣлку морскихъ котовъ и фаянсовый заводъ. Приступая къ новому занятiю, онъ продалъ домъ свой въ Иркутскѣ, купилъ за городомъ пространную землю, на рѣчкѣ Ушаковкѣ, и тамъ выстроилъ себѣ домикъ.

Отецъ Полеваго былъ человѣкъ ума рѣдкаго, пылкій, дѣятельный, и хотя не получилъ образованія, но чрезъ большое чтеніе Русскихъ книгъ обладалъ многими свѣдѣніями. Безъ душевнаго, сладостнаго волненія, не могъ вспоминать объ немъ Полевой. Отца своего изобразилъ онъ намъ въ послѣдней главѣ романа *Аббадонны*, въ разсказѣ Вильгельма Элеонорѣ, и воспоминанію о немъ посвятилъ много мѣстъ въ своемъ жизнеописаніи. Въ самое блестящее время жизни своей, знаменитый журналистъ, извѣстный литтераторъ и историкъ, увлекаясь памятью объ родителѣ, говорилъ, что, ежели бы можно было сложить вмѣстѣ умъ всѣхъ

ихъ сыновей его, то не вышло бы такого ума, какимъ обладалъ отецъ ихъ. Чрезмѣрно добрый и нѣжный не только къ дѣтямъ, но и ко всѣмъ постороннимъ, отецъ Полеваго когда сердился, то былъ страшенъ, и потому дѣти любили его безъ памяти, но очень и боялись. Прежде любя жить открыто, онъ жилъ уже весьма скромно, когда сталъ помнить себя Полевой. Тогда отецъ его уже рѣдко выѣзжалъ изъ дому, но за то у него самого всегда было много гостей. Весь Иркутскъ зналъ, любилъ и уважалъ его. Самъ Губернаторъ ѣзжалъ къ нему запросто, и ни одно замѣчательное лицо не проѣзжало Иркутска, не посѣтя отца Полеваго.

Десять лѣтъ было Полевому, когда отецъ его завелъ фаянсовый заводъ. Все прежде бывшее до этого времени, смутно, отрывочно помнилъ Полевой; но съ этого времени уже вся жизнь его живо врѣзалась въ его памяти. Это было въ 1805 году.

Полевой безграмотнымъ себя почти не помнилъ: лѣтъ шести выучила его читать старшая сестра, а потомъ товарищъ дѣтства, Титовъ, выучилъ и писать. Лѣтъ осьми Полевой читалъ: матери—романы; отцу—Библію и Московскія Вѣдомости. Десяти лѣтъ онъ уже велъ домашнюю контору отца и перечиталъ все большое собраніе Русскихъ и переводныхъ, разныхъ

родовъ книгъ, находившихся у отца его. Имѣя не твердое понятіе объ ученіи, отецъ Полеваго, то хотѣлъ учить дѣтей, то оставлялъ эту мысль. Онъ даже нѣсколько разъ собирался послать Полеваго учиться въ Петербургъ въ Коммерческое Училище, съ Директоромъ котораго, извѣстнымъ нашимъ литтераторомъ Подшиваловымъ, хорошо былъ знакомъ. Но это намѣреніе осталось безъ исполненія.

Десятилѣтній Полевой, не зная ни какихъ правилъ сочиненія, но овладѣваемый страстью къ литературѣ, издавалъ свои писанныя газеты и журналы, сочинялъ стихи, драмы, трагедіи, исторіи, путешествія. Когда

случалось ему достать еще нечитанную имъ книгу, то онъ не могъ оторваться отъ нея и забывалъ дѣла, возложенныя на него отцомъ. Тогда отецъ сердился, бранилъ сына, жегъ его сочиненія и строго запрещалъ ему читать книги. Но сынъ, вскорѣ принимался за то же, да и самъ отецъ, страстный политикъ, прочитавъ новыя газеты и журналы, принимался разсуждать съ сыномъ, какъ бы со взрослымъ, о тогдашней политикѣ, и они между собою судили Наполеона и Европу. Полевой, владѣя такою удивительною памятью, какой во всю жизнь свою не встрѣтилъ онъ ни у кого, зналъ наизусть множество изъ прочитаннаго имъ, пересказывалъ на

память цѣлыя главы изъ Библіи, считалъ ни за-что выучить наизусть цѣлую трагедію, и у отца своего былъ справочною книгою по исторіи и географіи. Несмотря, однакоже, на страсть къ чтенію, Полевой прилежно занимался и дѣлами отцовскими; управлялъ его заводами: фаянсовымъ и вновь заведеннымъ водочнымъ, и по дѣламъ часто ѣзжалъ въ городъ, гдѣ почитали его диковиннымъ мальчикомъ. Съ нимъ спорили тамошніе ученые и разсуждалъ самъ Губернаторъ. Спустя много лѣтъ послѣ того, когда Полевой уже былъ знаменитымъ журналистомъ, этотъ тогдашній Губернаторъ, разговаривая о немъ прибавлялъ, что помнитъ живо, какъ

еще отецъ Полеваго говорилъ ему всегда про сына: *Мой Николай философъ!*

Но этотъ пятнадцати-лѣтній философъ, прочитавъ тысячу книгъ, имѣлъ въ головѣ только хаосъ мыслей и словъ, едва самъ начиная мыслить.

Въ 1811 году, отецъ его, нѣсколько поправившій свое состояніе, вознамѣрился переѣхать изъ Сибири гдѣ онъ прожилъ сорокъ лѣтъ, въ Россію, сулившую ему огромныя богатства, ежели удадутся всѣ его предпріятія. Онъ счелъ за нужное впередъ себя отправить съ препо

рученіями въ Москву старшаго сына,—и пятнадцати-лѣтній Полевой, въ Маѣ мѣсяцѣ 1811 года, оставилъ Иркутскъ, изъ котораго до этого времени не выѣзжалъ никуда.

Около шести тысячь верстъ проѣхалъ Полевой. Дивные, громадные, живописные виды Сибирской природы производили въ юношѣ восторгъ и сильное впечатлѣніе. Но все это еще болѣе увеличилось въ немъ, когда онъ, мимоѣздомъ, увидѣлъ Макарьевскую ярмарку, величайшую во всемъ свѣтѣ, и наконецъ пріѣхалъ въ Москву. Чрезъ осьмнадцать лѣтъ потомъ, Полевой говорилъ въ повѣсти, *Мѣшокъ съ золотомъ*: »Мос-

ква, твое имя дорого моему сердцу; твои башни, твои золотыя маковки лѣлѣяли мои юношескія надежды, когда еще въ дремучихъ лѣсахъ Сибири я зналъ тебя только по имени, по разсказамъ бывалыхъ людей; я живо помню, съ какимъ восторгомъ я приближался къ тебѣ.« Но всего болѣе произвели восторгъ въ Полевомъ книжныя лавки и театръ. Онъ былъ въ первый разъ въ театрѣ на Макарьевской ярмаркѣ, когда играли драму Коцебу: *Гусситы подъ Наумбургомъ.* Полевой обливался слезами. На Московскомъ Театрѣ онъ видѣлъ первую піэсу, оперу: *Павелъ и Виргинія.*

Въ Москвѣ Полевой остановился у человѣка знакомаго отцу его. Тутъ-то настало раздолье ненасытной страсти юноши. Отецъ, задержанный дѣлами въ Сибири, годъ не пріѣзжалъ въ Москву, и въ это время Полевой ходилъ раза-по-три на недѣлѣ въ театръ, слушалъ часто лекціи въ въ Университетѣ, читалъ и покупалъ безъ счета книги, и сочинялъ: трагедіи, повѣсти, романы, исторіи.

Въ іюнѣ 1812 года отецъ его со всѣмъ семействомъ пріѣхаль въ Москву. Первыя слова его были къ сыну: »Много ли у тебя осталось денегъ и что ты дѣлалъ въ Москвѣ?» Сынъ показалъ на множество накуплен-

ныхъ книгъ, подлѣ которыхъ лежала кипа исписанной бумаги. »А дѣла?» спросилъ отецъ. Сынъ безмолвствовалъ· Немедленно произошла та же исторія, что и въ Иркутскѣ: сочиненія сожжены, и чтеніе книгъ строго запрещено сыну. Отецъ занялся съ нимъ дѣлами.

Но дѣла ихъ были вскорѣ прерваны. 26-го августа, въ день Бородинской битвы, Полевой вмѣстѣ съ отцемъ и всемъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы по Владимірской дорогѣ. Потомъ онъ видѣлъ пожаръ Москвы, и въ декабрѣ мѣсяцѣ отецъ поѣхалъ съ Полевымъ изъ Арзамаза, гдѣ жили они отъ Французовъ, въ

Петербургъ, чтобы покончить тамъ старые расчеты съ Американскою Компаніею. Тогда-то Полевой увидѣлъ въ первый разъ Сѣверную Столицу, въ которой, чрезъ тридцать три года, назначено было судьбою окончить ему дни свои и лечь на одномъ изъ мирныхъ кладбищь ея. Послѣ поѣздки въ Петербургъ, отецъ отправился съ Полевымъ и со всѣмъ семействомъ своимъ на родину свою въ Курскъ, который оставилъ онъ уже лѣтъ сорокъ. Въ іюнѣ 1813 года, Полевой поѣхалъ съ отцемъ на Донъ, дѣлать сахаръ и ромъ изъ арбузовъ и торговать Донскою рыбою. Но чрезъ годъ дѣла отца пришли въ

самое жалкое положенiе. Полевой видя, что остался безъ всякаго дѣла, опредѣлился въ Курскѣ въ контору къ одному тамошнему богатому купцу. Тогда Полевой рѣшился вполнѣ посвятить себя коммерческимъ дѣламъ и началъ неутомимо работать въ конторѣ. Чтенiе книгъ уже было для него только отраднымъ отдохновенiемъ.

Но именно въ это-то время, то есть въ 1814 году, когда Полевому шелъ осьмнадцатый годъ, началось его систематическое ученiе. Ему попалась Руская граматика Соколова, и съ нея Полевой началъ учиться. Вскорѣ онъ поставилъ себѣ въ

необходимость выучиться иностраннымъ языкамъ. Но къ кому было прибѣгнуть, ктобъ хотя показалъ ему первыя правила? Онъ долженъ скрывать свое ученіе, и отъ отца, и отъ хозяина, дабы не повредить хорошей дѣловой репутаціи, которую онъ уже пріобрѣлъ себѣ; чтобы избѣжать насмѣшекъ необразованныхъ товарищей своихъ, увидавшихъ бы его взрослаго за азбукою. Въ Курскѣ былъ пьяница, цирюльникъ, Италіянецъ изъ арміи Наполеона, взятый въ плѣнъ въ 1812 году. Онъ показалъ Полевому произношеніе Французскихъ буквъ. Старикъ Богемецъ, учившій на фортепіяно дочерей

хозяиня Полеваго, любилъ послѣ уроковъ зайти къ нему въ конторскую комнатку покурить табачку. Онъ выучилъ Полеваго Нѣмецкой азбукѣ.

Но Полевой не одинъ пользовался пріобрѣтаемыми имъ познаніями. Въ это время онъ нашелъ друга себѣ въ своемъ меньшемъ братѣ Ксенофонтѣ Алексѣевичѣ, съ которымъ и началъ дѣлиться мечтами и надеждами. Онъ одинъ изъ всѣхъ братьевъ Полеваго пошелъ съ нимъ по одному пути жизни, и былъ помощникомъ ему на его журнальномъ поприщѣ. Учась безъ учителя, самъ старшій братъ училъ меньшаго:

Трогательно воспоминаніе объ этомъ Н. А. Полеваго. Отецъ ихъ въ Курскѣ нанималъ комнатки три, въ нижней Сергіевской улицѣ. Раза три въ недѣлю, Полевой, управясь съ конторскими дѣлами хозяина, шелъ послѣ обѣда къ отцу, чтобы воспользоваться временемъ, пока онъ, пообѣдавши, спитъ. Меньшой братъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его. Они уходили за крылечко; на чистомъ дворѣ въ углу разстилали рогожу, садились на нее, и старшій братъ, вынувъ грамматики: Русскую, Французскую и Нѣмецкую, училъ меньшаго брата тому, что успѣлъ выучить самъ собою въ прошедшіе два—три дня. Окончивши ученіе, они шли въ домъ. Радо-

стно встрѣчалъ ихъ отецъ, переносившій съ христіанскимъ терпѣніемъ свое горестное положеніе. Съ старшимъ сыномъ всегда были новости, газеты. Садились пить чай, читали и разсуждали о политикѣ по прежнему, какъ въ Иркутскѣ. Съ слезами радости неизъяснимой услышалъ отецъ отъ Полеваго о взятіи Русскими Парижа.

Въ концѣ 1814 года, отецъ Полеваго отправился опять въ Иркутскъ, снова поискать тамъ счастія. Въ 1815 году и Полевой пріѣхалъ туда же на помощь отцу. Онъ продолжалъ учиться и въ Иркутскѣ. Вмѣстѣ съ братомъ и еще съ однимъ

добрымъ молодымъ товарищемъ, онъ сыскалъ Французскаго учителя, ссыльнаго Поляка, а по нѣмецки училъ ихъ старикъ Нѣмецъ, пасторъ тамошней Лютеранской церкви.

Шестидесяти-лѣтній отецъ Полеваго, не встрѣчая ожиданнаго счастія въ дѣлахъ и въ Иркутскѣ, и мучась мыслію о будущей судьбѣ своего многочисленнаго семейства, отправилъ Полеваго, въ началѣ 1816 года опять въ Курскъ, а въ 1817 году и самъ со всѣмъ семействомъ своимъ пріѣхалъ туда же. Но теперь у старика все-таки были маленькія деньги, и онъ купилъ собственный домикъ и завелъ небольшія дѣла. По-

левой же снова поступилъ въ прикащики къ прежнему своему хозяину.

Слѣдствіемъ частыхъ поѣздокъ, испытаній въ жизни, и тѣснаго обращенія, почти съ дѣтства, съ людьми взрослыми, было то, что замѣчательный умъ Полеваго рано созрѣлъ. Ему не было и двадцати лѣтъ, а его уже всѣ считали взрослымъ дѣловымъ человѣкомъ. Хозяинъ его, уѣзжая въ 1816 году на Нижегородскую ярмарку, оставлялъ ему на руки дѣла свои въ Курскѣ, и Полевой, къ удовольствію его, велъ ихъ какъ нельзя лучше. Посреди своихъ сверстниковъ Полевой казался замѣча-

тельнымъ молодымъ купцомъ. Но въ душѣ Полеваго была уже давно какая-то пустота; душа его чего-то жаждала. Онъ видѣлъ, что всего ума его не могутъ занять дѣла купеческія, и даже самаго времени свободнаго отъ дѣлъ у него останется много, какъ бы онъ прилежно ни занимался ими; дѣлить же его съ товарищами на забавы и шалости онъ былъ не способенъ. Со стороны внѣшней жизни Полеваго присоединялось къ этому чувство оскорбленнаго достоинства, когда онъ видѣлъ, что, не смотря ни на его личныя достоинства, ни на уваженіе къ старику-отцу, съ нимъ обращаются болѣе, какъ съ хорошимъ прикащи-

комъ, и даже часто даютъ ему замѣтить, чтобы быть настоящимъ почтеннымъ купцомъ у него недостаетъ главнаго достоинства купца— богатства, безъ котораго не помогутъ ему никакія личныя достоинства его: »Я докажу имъ, что они ошибаются! думалъ оскорбленный юноша. Но чѣмъ могъ доказать онъ это? Онъ зналъ, что богатство наживается десятками лѣтъ. Онъ видѣлъ примѣры, что безъ счастія часто купецъ склоняетъ и въ могилу сѣдую голову бѣднякомъ. И Полевому опротивѣли дѣла и жизнь купца, представлявшія для него одну печальную даль. Въ эти-то грустныя минуты, въ умѣ Полеваго блес-

нула благодатная мысль, что въ Россіи éсть дорога, которая безъ денегъ ведетъ къ почестямъ,—это *ученіе!* Съ радостію смотрѣлъ онъ на эту дорогу, потому что путеводителями его по ней будутъ *книги и науки*, то, что до этого времени составляло единственную отраду его въ жизни. Полевой рѣшился учиться.—И съ этою мыслію обольстительная, свѣтлая будущность раскрылась предъ юношею. Теперь для него сдѣлалось все равно, кѣмъ бы ни быть ему въ обществѣ, но только бы учиться. Со стороны отца на счетъ этого намѣренія онъ былъ спокоенъ, потому что старикъ, видя, что книги не отвлекаютъ сына отъ ку-

печескихъ дѣлъ, сталъ давать ему волю, обвиняя нѣсколько и себя за странное воспитаніе сына. Изъ жалованья, которое получалъ отъ хозяина, Полевой могъ только малость удѣлять на книги, оттого, что помогалъ старику отцу своему, и самъ долженъ былъ одѣваться прилично мѣсту имъ занимаемому, слѣдовательно нанять учителей ему было не-на-что, и онъ ревностно принялся учиться самъ-собою, учиться въ тѣ годы, когда другіе молодые люди жадно наслаждаются всею прелестію молодой жизни. Цѣлый день трудясь въ конторѣ за дѣлами хозяйскими, вечера и ночи онъ сталъ постоянно посвящать ученію, удѣ-

ляя сну не болѣе трехъ, четырехъ часовъ, и время проводимоеза ученіемъ почиталъ тогда лучшими часами своей жизни.

Теперь Полевой оставилъ легкое чтеніе, не сочинялъ уже ни стиховъ, ни прозы; пересоздалъ въ умѣ своемъ всѣ прежнія мысли и познанія пріобрѣтенныя обширнымъ чтеніемъ, и налагалъ на себя самыя тяжелыя работы, какъ напримѣръ выучивалъ по триста иностранныхъ словъ въ вечеръ; когда выучился по-латинѣ и по-гречески, то, увидѣвъ неточность нашей Академической грамматики въ сравненіи съ латинскою, началъ переработывать рус-

скую грамматику, и, выписавъ всѣ глаголы изъ Гейманова словаря, переспрягалъ ихъ каждый отдѣльно и составилъ новыя таблицы Русскихъ спряженій, которыя въ 1822 году были представлены Свиньинымъ въ Россійскую Академію, и она наградила за нихъ Полеваго большею серебряною медалью. Съ этого же времени Полевой началъ постоянно заниматься разборомъ и критикою Русскихъ лѣтописей, потому что Исторія Карамзина уже не удовлетворяла его, когда онъ сравнивалъ ее по изложенію съ Тацитомъ, по простотѣ съ лѣтописями. Такъ ревностно продолжая свое ученіе, Полевой считалъ для себя все легкимъ,

и когда купцы почитали его только хорошимъ прикащикомъ, надежда все свѣтлѣй и свѣтлѣй казала ему будущность его.

Наконецъ, когда Полевой былъ двадцати одного года, имя его въ первый разъ появилось въ печати, какъ сочинителя. Это произошло такимъ образомъ: Виновникъ столь многаго прекраснаго въ своемъ царствѣ, Императоръ Александръ Благословенный своимъ трехдневнымъ пребываніемъ въ Курскѣ, въ 1817 году, вызвалъ и Полеваго на поприще Русской словесности. Полевой описалъ посѣщеніе Курска обожаемымъ Императоромъ и при самомъ учти-

вомъ письмѣ послалъ статью эту въ Москву въ Русскій Вѣстникъ, издававшійся С. Н. Глинкою. Чрезъ нѣсколько времени съ невыразимымъ упасеніемъ увидѣлъ Полевой на сѣрыхъ листочкахъ Вѣстника четко курсивомъ напечатанныя слова: *Н. Полевой!* Удивился весь Курскъ, читая краснорѣчивое описаніе того, о чемъ еще всѣ говорили, о чемъ не могли воспоминать безъ восторга. Хозяинъ Полеваго былъ изумленъ, когда самъ Губернаторъ и всѣ самыя значительныя особы города объявили ему, что у него въ конторѣ скрывается геніальный молодой человѣкъ. Можно представить, съ какою радостію услышалъ объ

этомъ старикъ — отецъ Полеваго. Самъ Губернаторъ сдѣлался покровителемъ и защитникомъ юнаго сочинителя, приглашалъ его къ себѣ на вечера и балы. Сверхъ того, юный Полевой свободно хаживалъ въ кабинетъ Губернатора.

Но когда происходило это первое торжество Полеваго, первая награда, за неимовѣрные труды,—онъ самъ внутренно скорбѣлъ, потому что видѣлъ статью свою всю передѣланною, на что онъ уполномочивалъ въ письмѣ Глинку, и теперь сознавался самъ, что передѣлка справедлива.» У меня было правило,» говорилъ Глинка въ 1841 году вспоминая объ этомъ слу-

чаѣ, какъ о незабытомъ для Русскаго Вѣстника,—»исправлять, если нужно, въ отечественныхъ извѣстіяхъ слогъ, но оставлять имя, отъ кого они получены. Такъ поступилъ я съ статьею Н. А. Теперь, когда уже совершилъ онъ такой обширный полетъ на всѣхъ путяхъ Русской словесности, могу упомянуть, что извѣстія его я пересочинилъ отъ первой строчки до послѣдней. Я не зналъ тогда Н. А., слѣдственно и не могъ объ немъ судить, но теперь съ удивленіемъ воспоминаю, что тогда въ перѣ его не было даже и искры той парящей мысли, которая въ послѣдствіи поставила его на чреду почтенныхъ нашихъ

писателей. Въ упомянутой статьѣ Н. А. я видѣлъ только младенческое, ученическое, не видалъ даже и намека того слога, изъ котораго самъ заимствую одушевленіе на западѣ жизни моей.«

»Слѣдовательно, я еще плохой писатель, думалъ Полевой, смотря на свое передѣланное сочиненіе. »Что же дѣлать?« Надо продолжать учиться! »Однако же, спустя мѣсяцъ, Полевой при благодарственномъ письмѣ снова препроводилъ въ Русской Вѣстникъ стихи на проѣздъ чрезъ Курскъ Барклая де Толли, уполномочивая по прежнему Глинку, ежели сочтетъ нужнымъ,—передѣлать

стихи его. И точно—и это сочиненіе Полеваго было все передѣлано отъ перваго стиха до послѣдняго. Но Полевой не унывалъ, продолжалъ учиться, и когда въ 1818 году послалъ въ Вѣстникъ Европы двѣ статьи: *Замѣчаніе на статью о Волостѣ* и *переводъ Шатобріанова описанія Маккензіева путешествія по Сѣверной Америкѣ*; то обѣ статьи были, къ радости его, напечатаны точно такъ, какъ вышли изъ подъ его пера.

Весь 1819 годъ Полевой, отойдя отъ хозяина, занимался дѣлами родителя и, уже открыто, ученіемъ. 6 января 1819 года онъ читалъ въ

собраніи Библейскаго Общества свое стихотвореніе, которое все собраніе осыпало большими похвалами. Чрезъ это, къ покровительству Губернатора присоединилось еще знакомство съ просвѣщеннымъ Архипастыремъ Епископомъ Евгеніемъ.

Дѣятельность и забота о семействѣ тревожила старика—отца Полеваго. Онъ рѣшился еще испытать средство для поправленія своего состоянія, и собравши всѣ, какіе оставались способы, задумалъ завести водочный заводъ въ Москвѣ. Въ февралѣ 1820 года Полевой, отправленный впередъ для приготовленій, оставилъ навсегда Курскъ. До декаб-

ря мѣсяца старикъ не пріѣзжалъ въ Москву, и Полевой занимался дѣлами отца и ученіемъ, которое отецъ его уже не считалъ бездѣльемъ, видя, что оно, не отвлекая сына отъ купеческихъ дѣлъ, доставляетъ ему лестныя знакомства и уваженіе отъ всѣхъ.

Лѣто 1821 года Полевой жилъ по дѣламъ отца въ Петербургѣ. Тамъ онъ увидалъ въ первый разъ Грибоѣдова и Жуковскаго. Свиньинъ, горячій любитель всего отечественнаго, принялъ его, какъ друга, и приходилъ отъ него въ восторгъ, видя въ немъ *кулика самоучку*. Гречъ и Булгаринъ оказали ему радушное

вниманіе, — и Полевой считалъ грѣхомъ забыть ласки тѣхъ людей, которые тогда, среди тяжелыхъ обстоятельствъ жизни его, отогрѣвали ему душу своимъ добрымъ участіемъ. Онъ и меньшій братъ его въ это печальное время жизни своей находили одну отраду въ наукахъ.

Болѣзнь снѣдала отца Полеваго. Старикъ хотѣлъ окончить жизнь на своей родинѣ, и въ мартѣ 1822 года, благословя дѣтей своихъ, уѣхалъ отъ нихъ изъ Москвы въ Курскъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Полевой, какъ добрый старшій сынъ, ѣздилъ навѣстить его, и возвратился въ Москву обрадованный, что весна оживила

здоровье старца. Но 26 августа отецъ Полеваго скончался, оставя ему съ братьями только честное имя, родительское благословленіе и надежду, что труды рано или поздно вознаградятъ дѣтей его.

»Я сдѣлался старшимъ,« говоритъ Н. А. Полевой, заключая на этомъ »мѣстѣ свое жизнеописаніе: »заступилъ мѣсто отца въ нашемъ многочисленномъ семействѣ, а мнѣ было только двадцать шесть лѣтъ—но тѣмъ было лучше. Юность не знаетъ безнадежности; она не видитъ »вокругъ себя мрачныхъ безднъ бытія, и когда горе встрѣчается съ »нею, она готова спросить у него: не братъ ли ты радости?«

Послѣ отца Полевой причислился въ Московское Купечество и продолжалъ производство водочнаго завода, который находился за Сухаревою Башней. Производя торговлю водками, Полевой неусыпно занимался науками, но уже не изъ старыхъ источниковъ почерпалъ онъ свои познанія, а обогащалъ умъ новыми, свѣжими идеями, которыми Западная Европа жадно замѣняла старыя обветшалыя идеи осьмнадцатаго вѣка. Уже имя Полеваго начало часто появляться подъ стихами и прозою, въ періодическихъ изданіяхъ и въ альманахахъ, подобно именамъ другихъ, нетакъ значительныхъ литераторовъ. Никто еще не

предвидѣлъ тогда, что вскорѣ голосъ его загремитъ противъ старыхъ знаменитостей того времени. Въ 4-й части Мнемозины, вышедшей уже въ 1825 году, находится прозаическая статья Полеваго: *Спутники жизни*. Она принадлежитъ къ аллегоріямъ, которыя были въ модѣ въ то время, время созданія Пушкинымъ своего Демона. Аллегорія Полеваго замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ какъ бы воспоминаніе о внутренней борьбѣ бытія его, которое наконецъ нашло успокоеніе, блаженство для себя на землѣ, въ трудѣ и въ союзѣ съ милою подругою жизни. Эту статью Полевой написалъ, вѣроятно, уже жени-

вшись. Теперь литературные труды и тихая семейная жизнь сдѣлались назначеніемъ бытія его, назначеніемъ для него сладостнымъ давно желаннымъ.

До 1825 года Полевой не издалъ особо ни одной книги. Осенью 1824 года, Булгаринъ, оцѣняя дарованія Полеваго, приглашалъ его письмомъ принять участіе въ журналахъ, издаваемыхъ имъ, Булгаринымъ, какъ самъ упоминалъ объ этомъ Полевой въ 1825 году,—но Полевой отказался отъ приглашенія: уже онъ готовился въ Москвѣ,—родинѣ всего прекраснаго, начать свое журнальное поприще.

Припомнимъ состояніе нашей ли-

тературы того времени. Свобода въ поэзіи, т. е. отступленіе отъ ложныхъ Французско-классическихъ законовъ словесности, неправильно называвшаяся тогда романтизмомъ, начала овладѣвать нашей литературою. Жуковскій, познакомившій Россію съ настоящимъ романтизмомъ, т. е. поэзіею въ духѣ среднихъ рыцарскихъ вѣковъ, подарилъ въ это время Русской словесности свой драгоцѣнный переводъ Орлеанской Дѣвы Шиллера; Карамзинъ дописывалъ свою Исторію Государства Россійскаго; новый поэтъ—Пушкинъ,—пѣвецъ Руслана и Людмиллы, уже пропѣлъ Кавказскаго Плѣнника, первую главу Онѣгина, и какъ перлы

сыпалъ безъ счета дивные стихи свои. Явились Марлинскій, Козловъ, Баратынскій и другіе талантливые писатели, которыхъ называли тогда романтиками; сборнымъ мѣстомъ ихъ были альманахи. Русская публика съ радостію встрѣчала свѣжіе цвѣты новой поэзіи, и высшая, знакомая съ новѣйшими великими произведеніями Западной Европы, ободряла своимъ участіемъ и нашихъ новыхъ писателей. Она плакала надъ стихами Козлова; знала наизусть стихи Пушкина, котораго называла нашимъ Байрономъ.

Когда по всей Россіи жадно читали и списывали стихи Пушкина,

Козлова и другихъ молодыхъ поэтовъ, тогда въ школахъ еще преподавали правила Французскаго классицизма, и строго запрещали ученикамъ читать новыхъ сочинителей. Но ученики тихонько, въ запуски одинъ предъ другимъ, списывали ихъ. Самъ Мерзляковъ, преподававшій Французско-классическія правила словесности, превозносившій старыхъ Французскихъ писателей, съ восторгомъ читалъ студентамъ частно, какъ бы по-пріятельски, Братьевъ-Разбойниковъ Пушкина. А журналы того времени?—Не спрашивайте объ нихъ. Исключая альманачнаго направленія, проявленнаго Булгаринымъ въ его литературныхъ листкахъ, смѣ-

ло скажемъ, что тогда публика давала средства существовать Вѣстнику Европы и Сыну Отечества за неимѣніемъ лучшаго и болѣе по привычкѣ видѣть на столѣ своемъ журналъ, который оставался почти весь неразрѣзаннымъ, хотя иногда и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя хорошія статьи, но любопытныя для ученыхъ, а не для публики. У ней не было своего журнала и въ какое же время?—когда на Западѣ шла умственная борьба между старымъ и новымъ ученіемъ, которую тогда называли войной классицизма съ романтизмомъ; когда на всякомъ шагу новое ученіе одерживало побѣду надъ старымъ. Современный новаго

рода журналъ, который бы передавалъ публикѣ все это,—дѣятельно старался распространить въ Россіи новое ученіе,—былъ необходимъ. Но чтобы издавать съ полнымъ успѣхомъ такой журналъ, требовался человѣкъ свѣжій, усвоившій себѣ уже новѣйшіе идеи Запада, притомъ одаренный отъ природы замѣчательнымъ талантомъ и способностію передавать даже отвлеченныя идеи понятно для каждаго въ публикѣ. Необходимо было, чтобы онъ былъ независимъ ни отъ старыхъ ученыхъ, ни отъ бездарныхъ писателей, и ко всему этому,—былъ бы отваженъ и въ правомъ дѣлѣ не зналъ чувства робости. Послѣднее было необхо-

димо, потому что безъ шумнаго боя старыя литературныя понятія не могли рѣшиться уступить свое умственное владычество новымъ: слѣдовательно журналистъ - нововводитель долженъ будетъ отважно нападать на противниковъ и искусно отражать ихъ нападенія. Такимъ человѣкомъ былъ именно Полевой, приведенный на то судьбою изъ дремучихъ лѣсовъ Сибири въ первопрестольную Москву.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда Полевой гулялъ по живописнымъ берегамъ своей любимой рѣчки Сѣтуни, струящейся близъ Воробьевыхъ Горъ, пришла ему мысль издавать такой журналъ. И вотъ, въ концѣ 1824 года,

когда Полевому было 28 лѣтъ отъ роду, явилось, при 87 № Московскихъ Вѣдомостей объявленіе, что съ 1825 года будетъ выходить въ Москвѣ новое періодическое изданіе: *Московскій Телеграфъ, журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ.*

Публика и ученые спрашивали: »кто этотъ новый журналистъ, напечатавшій такое смѣлое, много-обѣщающее объявленіе, гдѣ онъ служитъ? И имъ отвѣчали: Нигдѣ. Это водочный заводчикъ, купецъ Полевой.—Гдѣ же онъ учился?»—Нигдѣ, отвѣчали снова,—онъ образовалъ се-

бя самъ.—»Какихъ онъ лѣтъ?«—Еще молодой человѣкъ.—Тогда публика не знала его прежней жизни; видѣла въ немъ простаго купца, и ей, имѣвшей у себя столько присяжныхъ ученыхъ мужей, явленіе молодаго купца Полеваго въ званіи новаго многосторонняго журналиста, показалось такъ странно, такъ дико. Ученые, одни собирались разшибить въ пухъ журналиста - самоучку, какъ дерзскаго мальчишку, неучившагося въ школахъ; другіе же, добрые, хотѣли учить его. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ почтенный С. Н. Глинка, и слѣдующими словами вспоминаетъ объ этомъ случаѣ » Въ сиходѣ 1824 года вышло увѣдомле

ніе объ изданіи Телеграфа. Любопытство заставило меня спросить у А. С. Ширяева: »Ужели это тотъ самый Н. А. Полевой, который изъ Курска присылалъ въ Русскій Вѣстникъ и прозу и стихи?» Узнавъ, что онъ одно и тоже лице, я пожелалъ, чтобы новый издатель у меня побывалъ, предполагая, что по многолѣтнему опыту въ повременномъ изданіи, сообщу ему что нибудь, но онъ у меня не былъ и хорошо сдѣлалъ; по выходѣ первой книжки Телеграфа я увидѣлъ, что мнѣ надобно будетъ учиться въ той области словесности, въ которую онъ вступилъ съ быстрою, свѣжею и живою мыслію.«

Публика нашла въ Телеграфѣ новую свѣжую пищу себѣ. Онъ открывалъ ей вполнѣ современный умственный міръ Западной Европы, о которомъ она имѣла только нѣсколько отрывочныхъ, невѣрныхъ свѣдѣній. Телеграфъ знакомилъ публику съ характеромъ и мыслями великихъ и замѣчательныхъ западныхъ писателей; передавалъ или разсказывалъ, по большой части въ критикахъ, ихъ лучшія произведенія; представлялъ изъ нихъ отрывки и сообщалъ новые взгляды Западные на знаменитыхъ писателей всѣхъ вѣковъ и странъ. Въ Телеграфѣ были краткія жизнеописанія или замѣтки о великихъ современныхъ людяхъ,

прославившихся на политическомъ, ученомъ, гражданскомъ, художественномъ и театральномъ поприщѣ. Изъ Телеграфа Русская публика узнавала новыя современныя мысли и открытія въ области наукъ и художествъ; читала въ немъ краткія описанія новыхъ замѣчательныхъ путешествій и статьи о торговлѣ, о новыхъ открытіяхъ по части промышленности и фабрикаціи. Съ самаго перваго шага Телеграфъ обратилъ вниманіе публики на политическую экономію и первый изъ всѣхъ Русскихъ журналовъ началъ постоянно помѣщать въ каждомъ номерѣ своемъ критику или библіографію всѣхъ вновь вышедшихъ Рус-

скихъ книгъ и извѣщать о новыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ иностранныхъ литературъ. Въ послѣдующихъ годахъ, Телеграфъ включалъ въ себѣ и разборы замѣчательныхъ театральныхъ представленій. Украшенные новыми произведеніями нашихъ лучшихъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ номера Телеграфа, вполнѣ разрѣзанные, переходили изъ рукъ въ руки въ публикѣ. Надо признаться, что Полевой, какъ будто нарочно былъ созданъ для журналистики. Онъ зналъ вкусъ, потребность всей Русской публики. Можетъ быть много способствовала тому его жизнь, проведенная до изданія Телеграфа не въ уединенномъ

кабинетѣ за книгами, но въ живомъ дѣятельномъ, обширномъ обращеніи съ людьми всѣхъ классовъ. Онъ умѣлъ все передавать въ видѣ понятномъ каждому и владѣлъ даромъ обращать вниманіе публики на что желалъ. Я живо помню, какъ небольшая книжка Телеграфа читалась всѣми съ любопытствомъ. Полевой имянно исполнилъ, что въ своемъ Предисловіи къ Телеграфу ставилъ главнымъ достоинстомъ литературнаго журнала: « сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостію.

Боже мой! какъ поднялись на По-

леваго старые ученые, литераторы старые и отчасти молодые. Смѣшно читать, чѣмъ они хотѣли погубить Полеваго въ мнѣніи публики; но главная цѣль ихъ нападенія была его личность. Множество эпиграмъ насчетъ Полеваго ходило по Москвѣ. Въ однѣхъ смѣялись надъ его купеческимъ званіемъ, въ другихъ—надъ его безшкольнымъ и, играя словами, *полевымъ* образованіемъ. Наконецъ называли Полеваго хвастуномъ, всезнайкою, потому что Телеграфъ разсуждаетъ обо всемъ, съ высшихъ философическихъ взглядовъ, до ленточки на дамскомъ башмачкѣ.

Полевой смѣло объяснялъ имъ въ

отвѣтъ, что онъ купецъ, гордится этимъ и удивляется ограниченности ихъ понятій, чрезъ которыя они не видятъ, что въ умственномъ мірѣ равны всѣ званія. Купецъ, мѣщанинъ, даже крестьянинъ можетъ быть такимъ же ученымъ человѣкомъ и литтераторомъ, какъ и дворянинъ. Насчетъ своего образованія Полевой отвѣчалъ имъ, что хотя и не учился въ школахъ и Университетахъ, какъ они, но своими познаніями не уступитъ имъ, чему служитъ доказательствомъ и то, что онъ уже членъ трехъ Ученыхъ обществъ. А что касается до необыкновеннаго всезнанія Телеграфа, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому

что у него для оригинальныхъ статей по нѣкоторымъ предметамъ находятся просвѣщенные сотрудники, а переводныя такого рода статьи почерпаются изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ. Нападки на Полеваго сыпались совсѣхъ сторонъ, но онъ дѣлалъ свое дѣло, и вмѣсто того, чтобы подольщаться къ присяжнымъ ученымъ, стараться, какъ ни есть, удостоиться чести быть принятымъ, хотя въ послѣдніе ряды ихъ, онъ громилъ въ Телеграфѣ ученыхъ старовѣровъ, ихъ Французскія классическія понятія, и, несмотря ни накакое лице и званія въ обществѣ, высказывалъ бездарнымъ писателямъ горькую истину, которой они

не слыхали отъ другихъ журналистовъ. Удивляться ли послѣ этого, что вскорѣ имя Полеваго слилось нераздѣльно съ понятіемъ: *Онъ всѣхъ ругаетъ, все бранитъ!* И это совершенная неправда. Пересмотрите вполнѣ весь Телеграфъ—и вы увидите, что Полевой всегда отдавалъ достойное достойному, и ежели онъ ошибался иногда, то и онъ былъ человѣкъ. Вспомните что въ Телеграфѣ была высказана въ первой разъ дѣльная оцѣнка нашимъ писателямъ. Вспомните также, какъ много доставалось Полевому въ то время за нападеніе на такія знаменитости, о которыхъ теперь и разговоръ считаютъ напрасною потерею

времяни. Замѣтить надобно, что первый годъ Телеграфа издавался при жизни Карамзина. Любопытно знать, какого былъ онъ мнѣнія объ Телеграфѣ и его издателѣ.

Начавъ такъ успѣшно свое журнальное поприще, Полевой, года чрезъ три, прекратилъ водочный заводъ. Въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, заведена была Полевымъ Контора Московскаго Телеграфа, гдѣ производилась и продажа новыхъ русскихъ книгъ. Телеграфъ съ каждымъ годомъ дѣлался полнѣе и совершеннѣе.

Теперь мы оставимъ Телеграфъ и

обратимся къ собственнымъ литературнымъ произведеніямъ Полеваго. До 1827 года онъ напечаталъ въ Телеграфѣ нѣсколько небольшихъ статей своихъ повѣствовательныхъ и по части Отечественной Исторіи. Въ 1827 году онъ помѣстилъ въ Телеграфѣ: *Взятіе Азова*, отрывокъ изъ Русской Исторіи послѣднихъ столѣтій, которую хотѣлъ написать Полевой въ родѣ Барантовой Исторіи Герцоговъ Бургундскихъ. Въ началѣ 1828 года онъ напечаталъ въ Телеграфѣ Историческую повѣсть *Симеонъ Кирдяпа*. Около 1828 года Полевой поступилъ въ число дѣйствующихъ членовъ Московской Практической Коммерческой Акаде-

міи, и въ этомъ году, лѣтомъ, читалъ въ ней на актѣ: *Рѣчь о Невещественномъ Капиталѣ*, которая тогда же была напечатана. Въ началѣ 1829 года онъ сталъ печатать въ шести частяхъ *Повѣсти и Литтературные отрывки*, помѣщенные въ прошедшихъ годахъ Телеграфа. Лѣтомъ того же года напечаталъ онъ въ Телеграфѣ повѣсть: *Мѣшокъ съ Золотомъ*. Въ ней, обращаясь къ Москвѣ, Полевой говоритъ: » »Добрая »Москва! Я люблю тебя! искренно и, кажется, кости мои будутъ тлѣть на »одномъ изъ мирныхъ кладбищь твоихъ.« Въ томъ же году онъ началъ печатать въ Телеграфѣ: *Новаго Живописца общества и Литерату-*

ры. Эти статьи начались въ 13 номерѣ Телеграфа, и хотя по началу Живописецъ и не заключалъ въ себѣ такихъ прекрасныхъ статей какія написалъ для него Полевой въ слѣдующихъ годахъ, но, по воспоминанію о старомъ Живописцѣ Новикова, обратилъ на себя вниманіе публики, особенно стариковъ.

Въ 1828 году, Телеграфъ, изчисляя труды другихъ современныхъ журналистовъ, откровенно говорилъ, что издатель Телеграфа не оказалъ донынѣ никакой услуги литературной, кромѣ изданія журнала. Но въ 1829 году, въ 12 № Телеграфа, помѣстя *Разборъ Исторіи Государства*

Россiйскаго, Карамзина, Полевой, въ концѣ этаго года, объявилъ подписку на свою *Исторiю Русскаго Народа,* въ 12 томахъ, и слѣдомъ за этимъ, выдалъ первый томъ, изъ котораго первую главу читалъ не задолго предъ тѣмъ въ собранiи Общества Любителей Отечественной Словесности. Надо признаться, что эта подписка была сдѣлана Полевымъ напрасно. Чрезъ нее мы не имѣемъ вполнѣ его Исторiи Русскаго народа. Причина тому та, что хотя многочисленные подписчики потребовали вскорѣ втораго изданiя двухъ первыхъ томовъ, но цѣна, 40 р. ас. за 12 большихъ томовъ новаго оригинальнаго сочиненiя, была такъ не

велика, что, въ-продолженіи шести лѣтъ, выдавъ 6 томовъ, то есть половину обѣщанныхъ при подпискѣ, употребя на нихъ шестилѣтніе труды, за которые только могли вознаградить Полеваго собранныя при подпискѣ деньги, онъ, живя одними своими литературными трудами, не имѣлъ средства продолжать Исторію Русскаго Народа, потому что долженъ былъ трудиться уже безъ всякаго вознагражденія, чего, повторяемъ опять, обстоятельства жизни не позволяли ему дѣлать, и поневолѣ отвлекли его къ другимъ занятіямъ. Если бы Полевой продавалъ отдѣльно каждый томъ рублей около десяти, то имѣлъ бы возмож-

ность написать вполнѣ Исторію Русскаго Народа.

Въ альманахахъ, изданныхъ въ Москвѣ на 1830-й годъ, напечатаны были двѣ повѣсти Полеваго—въ Радугѣ: *Краковскій Замокъ*, а въ Денницѣ: *Сахатый*. Послѣднюю повѣсть Полевой начинаетъ воспоминаніемъ о своей далекой родинѣ и о своемъ дѣтствѣ. Съ начала 1830 года онъ издавалъ при Телеграфѣ уже отдѣльнымъ прибавленіемъ *Новаго Живописца*, котораго нѣкоторыя статьи обращали на себя особенное вниманіе публики. Въ началѣ августа этого года вышелъ *второй томъ Исторіи Русскаго Народа*, а съ осени

Полевой началъ помѣщать въ Телеграфѣ новаго рода увлекательныя критики свои, показавшія въ немъ уже вполнѣ созрѣвшій талантъ критика. Они начались съ разбора *Исторіи Малороссіи, соч. Бантыша-Каменскаго.*

Въ Денницѣ, альманахѣ на 1831 годъ, Полевой помѣстилъ: *Постоялый дворъ*, первую главу изъ своего историческаго романа: Клятва при Гробѣ Господнемъ, и въ началѣ лѣта выдалъ *третій томъ Исторіи Русскаго Народа.* Въ концѣ того же года онъ началъ печатать отдѣльно, въ шести частяхъ, изданный имъ, при Телеграфѣ: *Новый Живо-*

писецъ и другія сатирическія статьи свои, бывшія въ Телеграфѣ, а при немъ съ 1832 года сталъ издавать *Камеръ-Обскуру*, которая вошла также въ послѣднюю часть Новаго Живописца.

Въ 1832 году Полевой помѣстилъ въ Телеграфѣ двѣ изъ самыхъ лучшихъ критикъ своихъ: *разборы сочиненій Державина и Жуковскаго.* Въ этомъ же году напечаталъ и *разборъ романовъ Виктора-Гюго.* Еще съ начала 1832 года по Москвѣ начали говорить о романѣ Полеваго— *Клятва при Гробѣ Господнемъ,* котораго двѣ первыя части и вышли въ свѣтъ въ началѣ лѣта, а

третья осенью. Въ послѣднихъ номерахъ Телеграфа 1832 года, Полевой напечаталъ отрывки изъ своей *Русской Исторіи для первоначальнаго чтенія*. Лѣтомъ этого года онъ читалъ на актѣ Московской Практической Каммерческой Академіи *Рѣчь о купеческомъ званіи и особенно въ Россіи*. Она была тогда же напечатана особо. Эта рѣчь и письмо Полеваго: *О воспитаніи вообще и особенно купцовъ*, напечатанное въ 18-мъ и 19-мъ N N Телеграфа 1829 года, остались до сихъ поръ лучшими сочиненіями объ этихъ предметахъ. Здѣсь упомянемъ, что Полевой, будучи членомъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго

Совѣта, былъ въ 1831 году членомъ Комитета первой Московской выставки, за что и награжденъ орденомъ Св. Анны третьей степени. (*) Въ это время Полевой, Членъ-Корресподентъ Санктъ-Петербургской Академіи Наукъ, состоялъ Дѣйствительнымъ Членомъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ: Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ, Московскаго Любителей Россійской Словесности, Московскаго Испытателей Природы, Санкт-Петербургскаго Вольнаго Общества, Любителей Россійской Сло-

---

(*) По этому ордену Полевой получилъ въ-послѣдствіи потомственное почетное гражданство.

весности и Казанскаго Любителей Отечественной Словесности, былъ также Членомъ Совѣта Московской Практической Коммерческой Академіи и Дѣйствующимъ Членомъ состоящаго при этой Академіи Общества Любителей Коммерческихъ Знаній.

Съ 1833 года Полевой началъ печатать въ Телеграфѣ свои мечтательныя повѣсти. Въ первыхъ двухъ номерахъ помѣстилъ: *Блаженство Безумія*, а въ лѣтнихъ (*) и осен-

(*) Т. е. выданныхъ въ это время года. Мы потому такъ называемъ ихъ, что Телеграфъ, хотя и долженъ былъ вы-

нихъ: *Живописца.* Эти двѣ повѣсти, особенно послѣдняя, одушевленныя такимъ пламеннымъ, благороднымъ чувствомъ, такою любовію ко всему высокому и изящному, и презрѣніемъ ко всему низкому, привело въ восторгъ пылкихъ молодыхъ людей, которые съ нетерпѣніемъ ждали продолженія и окончанія этихъ повѣстей.

Въ начальныхъ номерахъ Телеграфа этого года былъ напечатанъ Полеваго: *разборъ сочиненій Пуш-*

ходить постоянно два раза въ мѣсяцъ, но всегда опаздывалъ и два, три послѣднихъ номера были выдаваемы даже на другой годъ.

кина, оставшійся не оконченнымъ, а въ лѣтнемъ номерѣ Телеграфа помѣщена археологическая статья Полеваго: *Древнѣйшая Княжеская могила въ Кремлѣ.* Въ мартѣ этого же года вышла *четвертая* послѣдняя часть романа: *Клятва при Гробѣ Господнемъ.* Этотъ романъ или, какъ назвалъ его Полевой, Руская быль, составляетъ среднюю часть сочиненія, въ которомъ Полевой хотѣлъ изобразить вполнѣ паденіе Суздальскаго Княженія. Первая часть этого сочиненія начата имъ Симеономъ Кирдяпою, послѣднюю хотѣлъ написать Полевой подъ названіемъ: Судъ Божій. — Лѣтомъ этого года, Полевой читалъ на актѣ въ

Практич. Коммерческой Академіи свое новое сочиненіе: *Кузьма Миничъ Сухорукій, избранный отъ всѣя земли Русской человѣкъ*. Оно напечатано тогда же особо. Осенью 1833 года вышелъ *четвертый томъ Исторіи Русскаго Народа*. Въ этомъ же году Полевой началъ печатать особо свою: *Русскую Исторію, для первоначальнаго чтенія, въ четырехъ частяхъ,* и въ послѣднихъ номерахъ Телеграфа помѣстилъ начало фантастическаго разсказа подъ названіемъ: *Рапсодія*, и свое письмо къ неизвѣстной дамѣ, въ которомъ онъ объясняетъ ей: *Сонъ въ лѣтнюю ночь Шекспира*.

Въ начальныхъ четырехъ номерахъ Телеграфа, 1834, помѣщена была третья мечтательная повѣсть Полеваго. *Элма*, и разборъ *Торквато Тасса Кукольника.* Пятый номеръ Телеграфа послѣдній выданъ публикѣ. Онъ былъ 216 № отъ основанія Телеграфа. Тутъ журналъ Полеваго прекратился, на десятомъ году своего существованія, на горизонтъ Русской литературы взошла Библіотека для Чтенія.

До Телеграфа Русскіе журналы доживали періодъ, начатый Карамзинымъ Московскимъ журналомъ и Вѣстникомъ Европы. Полевой Телеграфомъ началъ новый періодъ Рус-

ской журналистики, который продолжался до появленія Библіотеки для Чтенія. Ею начался новый текущій періодъ Русскихъ журналовъ, совершенно уронившій книжную торговлю въ Россіи. Телеграфъ и другіе современные ему журналы представляли читателямъ только отрывки изъ замѣчательныхъ книгъ, которыя должны были вскорѣ выйдти въ свѣтъ или отзывы объ нихъ, и тѣмъ обращали вниманіе публики на эти книги. Библіотека же для Чтенія сама въ себѣ начала печатать цѣлыя книги. Скупая на покупку книгъ, Руская публика обрадовалась, что, заплатя въ годъ 50 или 100 р. ассиг. за журналы она будетъ имѣть

себѣ новую, хорошую пищу для чтенія, которой ей достанетъ съ избыткомъ на цѣлый годъ. Хорошо ежели бы эта радость, касалась людей бѣдныхъ, но имянно радовались такіе люди, которые прежде не считали себѣ въ тягость истратить въ годъ нѣсколько сотъ на книги для чтенія. И такимъ образомъ съ основаніемъ Библіотеки для Чтенія рѣдкая особо изданная книга, не учебная и не духовная, достигала втораго изданія.

Лѣтомъ 1834 года, вышелъ *пятый томъ Исторіи Рускаго Народа.* Въ ноябрѣ того же года изданы Полевымъ: *Мечты и Жизнь,* гдѣ по-

мѣщены бывшіе въ Телеграфѣ три мечтательныя повѣсти его, былъ: *Мѣшокъ съ Золотомъ*, и новое сочиненіе: *Разсказъ Солдата*. Начало этого разсказа заключаетъ нѣсколько воспоминаній Полеваго о его купеческой жизни. Въ концѣ 1844 года, Полевой выдалъ свой мечтательный романъ: *Аббадона, въ 4-хъ частяхъ*.

Въ началѣ лѣта 1835 года въ послѣдній разъ вышелъ еще томъ *Исторіи Русскаго народа, шестой;* на немъ остановилось печатаніе этой Исторіи. Седьмой томъ долженствовалъ начаться измѣненіемъ характера Царя Ивана Васильевича, описаніемъ тѣхъ годовъ жизни его, за

которыя онъ получилъ названіе *Грознаго.* Впрочемъ были слухи, что у Полеваго уже и этотъ томъ былъ приготовленъ къ печати, что въ немъ онъ смотритъ на характеръ Грознаго совсѣмъ иначе, нежели Карамзинъ. Любопытствующіе могутъ прочесть взглядъ Полеваго на Грознаго въ *Русской Исторіи для первоначальнаго чтенія,* гдѣ встрѣтятъ свѣтлые взгляды Полеваго и на другія событія и историческія лица послѣдующихъ столѣтій Русской Исторіи, которую довелъ онъ въ ней, (четвертая часть напечатана уже въ Петербургѣ въ 1841 году), до царствованія Екатерины Великой. Въ Библіотекѣ для Чтенія былъ напеча-

танъ отрывокъ изъ Исторіи Русскаго Народа: *Избраніе на Царство Царя Михаила Өеодоровича.* Въ области Русской Исторической Литературы Полевой записалъ имя свое, не только замѣчательными историческими трудами, но и тѣмъ, что онъ первый осмѣлился писать Русскую Исторію послѣ Карамзина. Въ то время, когда другіе ученые находили только мелочныя ошибки въ Исторіи Государства Россійскаго, и составляя свои краткія Русскія Исторіи, не смѣли шагу отступить отъ взглядовъ Карамзина, Полевой, цѣня драгоцѣннымъ слогъ Исторіи Государства Россійскаго, ставя великими заслугами Карамзину собраніе Исто-

рическихъ матеріаловъ и, наконецъ, удивляясь великому шагу сдѣланному имъ отъ предшествующихъ ему Историковъ, сказалъ первый, что у Карамзина понятія объ Исторіи были старыя, ошибочныя, и по этимъ понятіямъ написана Исторія Государства Россійскаго, съ невѣрными взглядами на многія событія и историческія лица. И за этими словами, Полевой, первый изъ Русскихъ, началъ послѣ Карамзина выдавать свою Исторію Русскаго Народа, съ новыми собственными взглядами на события и историческія лица. Этимъ смѣлымъ шагомъ Полевой какъ-бы разшибъ то очаровательное безмолвіе Русскихъ историческихъ писа-

телей, которое породила въ нихъ Исторія Государства Россійскаго. Теперь мы имѣемъ уже нѣсколько Исторій Русскихъ, хотя и краткихъ, но съ взглядами, принадлежащими собственно ихъ сочинителямъ.

По прекращеніи Телеграфа, Полевой, вѣроятно видѣлъ, что теперь простыя, обыкновенныя періодическія изданія не могутъ имѣть успѣха въ Русской публикѣ, у которой появился огромный журналъ, обогащенный вполнѣ напечатанными произведеніями нашихъ лучшихъ литераторовъ. Соперничество съ Библіотекою для Чтенія въ первые два года ея было невозможно, и потому Полевой обра-

тилъ свою дѣятельность на повременное изданіе новаго рода для Русской публики. Онъ видѣлъ потребность такого изданія въ Россіи, но однако же ни одинъ изъ Литераторовъ не обращалъ вниманія наподобное изданіе, хотя заграницею эти изданія уже сдѣлались любимымъ и почти народнымъ чтеніемъ. И вотъ, съ іюля мѣсяца 1835 г., Августъ Семенъ, подъ редакціею Н. А. Полеваго, началъ издавать въ Москвѣ: *Живописное Обозрѣніе*. Успѣхъ этого изданія былъ чрезвычайный, и повлекъ за собою множество изданій, и повременныхъ, и простыхъ книгъ съ политипажными картинками.

Въ 1835 г. Полевой обратилъ вниманіе и литераторовъ на прекраснѣйшую и полезнѣйшую отрасль словесности: переводъ составныхъ новѣйшихъ путешествій по свѣту. Подобныя сочиненія, по огромности своей не будучи включаемы въ наши новые журналы, могли быть новы и интересны для публики. Полевой первой началъ издавать переведенное имъ съ французскаго: *Путешествіе вокругъ свѣта, составленное Дюмомъ Дюрвилемъ.* Хотя вскорѣ въ Петербургѣ Плюшаръ предпринялъ другое изданіе тойже самой *книги* (*) но несмотря

(*) Полевой, задолго до выхода въ свѣтъ своего перевода, объявилъ въ

на это, переводъ Полеваго имѣлъ хорошій успѣхъ; разумѣется безъ Плюшаровскаго изданія успѣхъ былъ бы еще превосходнѣе. За Полевымъ принялись и другіе писатели переводить такого рода сочиненія, и тѣмъ принесли большую пользу, распространяя въ Русской публикѣ новѣйшія, подробныя свѣдѣнія почти о всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ 1836 г. Полевой ѣздилъ въ Петербургъ; тамъ, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ его, Смирдинъ оказалъ ему великодушную помощь,

---

газетахъ, что занимается этимъ трудомъ, и напечаталъ отрывки изъ него въ двухъ журналахъ.

за которую потребовалъ отъ него участія въ Библіотекѣ для Чтенія, и Полевой, которому не нравились ни цѣль, ни планъ, ни взглядъ этого журнала, отказывавшійся прежде отъ неоднократныхъ убѣдительныхъ приглашеній участвовать въ ней, теперь сдѣлать этого немогъ изъ благодарности къ Смирдину. Свидясь и долго переговаривая съ редакторомъ Библіотеки для Чтенія, Полевой взялъ насебя критику и библіографію этого журнала, изключая разбора книгъ по такимъ предметамъ, въ которыхъ Полевой былъ совершенно не согласенъ въ мысляхъ съ редакторомъ: Полевой началъ посылать изъ Москвы статьи по отдѣленіямъ критики и

Библіографіи, но какъ редакторъ Библіотеки для Чтенія передѣлывалъ и его статьи, подобно какъ другихъ, то Полевой послѣ тщетныхъ возраженій на это, въ декабрѣ 1837 года отказался отъ участія въ Библіотекѣ для Чтенія. Участвуя въ ней около двухъ лѣтъ, онъ помѣстилъ въ ней въ это время отрывки изъ своего сочиненія (въ родѣ Ломоносова соч. К. А. Полеваго): *Христофоръ Колумбъ*, и статью: *Новый годъ въ Москвѣ*. Полевой въ послѣдствіи отрекся отъ всѣхъ своихъ Библіографическихъ статей и отъ многихъ мѣстъ въ критикахъ, напечатанныхъ въ Библіотекѣ для Чтенія, потому что первыя были вполнѣ передѣланы Редакторомъ, а

во вторыхъ редакторъ прибавилъ свои мысли.

Въ началѣ 1837 года вниманіе публики и труды переводчиковъ были обращены Полевымъ на Шекспира. Въ Январѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ, въ бенефисъ Мочалова давали *Гамлета*, переведеннаго съ Англійскаго Полевымъ.

Гамлетъ Полеваго имѣлъ величайшій успѣхъ на сценѣ и остался до-сихъ-поръ одною изъ любимѣйшихъ піесъ Русской публики. Онъ былъ вскорѣ напечатанъ особо. За Полевымъ принялись другіе переводить Шекспира, ставить на театръ и пе-

чатать, и въ нѣсколько лѣтъ былъ переведенъ почти весь Шекспиръ, и даже нѣкоторыя піесы въ нѣсколькихъ переводахъ. Въ то самое время, когда театръ потрясался отъ рукоплесканій Полевому, когда Гамлетъ произноситъ свои страшныя думы на кладбищѣ, получено было въ Москвѣ неожиданное горестное извѣстіе о рановременной несчастной кончинѣ Пушкина, и спустя двѣ недѣли послѣ смерти его, Полевой написалъ одно изъ лучшихъ своихъ небольшихъ сочиненій: *Пушкинъ*. Оно было напечатано въ весенней книжкѣ Библіотеки для Чтенія.

Въ 1838 году встрѣчаемъ Полеваго уже въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ жить съ своимъ семействомъ. Смирдинъ вызвалъ Полеваго изъ Москвы издавать въ Петербургѣ Сынъ Отечества, ежемѣсячными толстыми книгами. Здѣсь упомянемъ, что до 1838 года всѣ особо изданныя сочиненія Полеваго напечатаны въ Москвѣ, а съ этого года въ Петербургѣ.

Въ 1838 году, въ послѣдній разъ, Полевой обратилъ вниманіе публики и Русскихъ сочинителей на предметъ, который отъ прикосновенія къ нему дѣятельности Полеваго закипѣлъ новою, небывалою жизнію:

мы разумѣемъ *драматическія сочиненія Полеваго*. Первое изъ нихъ было—*Уголино*, игранное въ первой разъ въ Январѣ 1838 года, съ большимъ успѣхомъ. Послѣ этой піэсы торжество Полеваго было въ *Дѣдушкѣ Русскаго Флота*. За это сочиненіе Полевой удостоился получитъ отъ Государя Императора Высочайшее благоволеніе и богатѣйшій бриліантовый перстень. Обѣ піесы Полеваго вскорѣ послѣ представленій были напечатаны особыми книжками. Потомъ слѣдовала, съ подобнымъ же успѣхомъ, піеса Полеваго *Иголкинъ*, и за этимъ послѣдовало множество другихъ піесъ его. Почти всѣ драматическія сочиненія, кото-

рыя написалъ Полевой въ такомъ обильномъ числѣ, въ продолженіе осьми лѣтъ, имѣли успѣхъ на театрѣ; въ особенности же была съ восторгомъ принята публикою и всѣми литераторами, *Параша Сибирячка*, игранная въ 1840-мъ году и тогда же напечатанная особо. Ее самъ Полевой почиталъ лучшею своею піесою. Изъ другихъ піесъ его имѣли замѣчательный успѣхъ на сценѣ: *Честь или смерть*, *Елена Глинская*, и *Ломоносовъ*. Одну изъ послѣднихъ піесъ Полевой написалъ драму: *Павелъ и Виргинія*, какъ бы по воспоминанію оперы тогоже названія, которую, какъ мы знаемъ, онъ видѣлъ въ

юности своей, посѣтя въ первый разъ Московскій театръ. За Полевымъ принялись другіе литераторы писать для театра, и оригинальными піесами смѣнили переводныя.

Въ началѣ 1839 года Полевой собралъ и выдалъ въ свѣтъ два тома своихъ критическихъ статей, помѣщавшихся въ Телеграфѣ, Библіотекѣ для Чтенія и Сынѣ Отечества; онъ назвалъ ихъ *Очерками Русской Литературы*. Въ прекрасномъ предисловіи къ этой книгѣ, Полевой разсказалъ жизнь свою по кончину отца и отдалъ отчетъ въ своихъ литературныхъ правилахъ, которыми руководствовался во всю жизнь. Въ этомъ

же 1839 году, въ первомъ томѣ Ста Русскихъ Литераторовъ были напечатаны два сочиненія Полеваго: *Дурочка*, четвертая мечтательная повѣсть его, и *Обозрѣніе бумагъ, найденныхъ по смерти Петра Великаго въ кабинетѣ Его*. При этихъ статьяхъ былъ выданъ въ первый разъ въ публику *портретъ Полеваго*, съ снимкомъ его подписа. Надобно замѣтить, что портретъ этотъ, хотя и похожъ, но мы, которые видали около 1830 года Полеваго въ обществѣ, смотрѣли ему въ лицо во время его разговоровъ, не находимъ въ портретѣ полнаго сход ства. Полевой представленъ на немъ въ халатѣ, задумчивымъ и безъ оч-

ковъ. Въ нашей памяти онъ остался совсемъ въ другомъ видѣ: ростъ довольно высокій, худощивость въ корпусѣ и лицѣ, мускулы котораго, во время жаркаго разговора, были въ движеніи; Полевой говорилъ довольно скоро и часто поправлялъ пальцами свои небольшія золотыя очки. У Ксенофонта Алексѣевича Полеваго находится портретъ Николая Алексѣевича, списанный въ послѣдніе годы жизни его Плюшаромъ, и говорятъ очень похожій. На этомъ портретѣ Полевой, уже пожилой человѣкъ, близкій къ старости, и лицо его сдѣлалось полнѣе.

Съ 1839 гдоа Полевой постоянно

печаталъ свои драматическія сочиненія въ Репертуарѣ, и только нѣкоторыя въ Сынѣ Отечества; *Ломоносовъ* же его былъ напечатанъ въ Библіотекѣ для Чтенія 1843 года. Въ Репертуарѣ Полевой помѣстилъ свое: *воспоминаніе о театрѣ*, а въ Сынѣ Отечества, издававшемся подъ его собственною редакціею, напечаталъ *Письмо о драматическихъ сочиненіяхъ* и *О тоническомъ размѣрѣ стиховъ*, которымъ онъ перевелъ Гамлета и написалъ Уголино и Елену Глинскую. Въ этомъ же журналѣ были помѣщены имъ статья о *И. И. Дмитріевѣ*; *Эпилогъ романа: Абадона; отрывокъ изъ пространной Исторіи Петра Великаго*, которую

онъ готовился написать вполнѣ; *Ночь въ Кремлѣ на Свѣтлое Христово Воскресеніе* и разсказъ: *Колыбель и Гробъ*. Лѣтомъ 1840 года Полевой отстранился отъ редакціи Сына Отечества.

Въ 1841 году Полевой принималъ участіе въ Рускомъ Вѣстникѣ, возобновленномъ С. Н. Глинскою, гдѣ между прочими статейками помѣстилъ: *взятіе Азова, въ 1696 году*. Потомъ Полевой участвовалъ по отдѣленію библіографіи, въ Сѣверной пчелѣ. Въ 1842 году онъ помѣстилъ въ Руской Бесѣдѣ замѣчательную Историческую статью: *Прокопій Ляпуновъ*, а для изданія, подъ названіемъ Капитолій, написалъ краткую *Жизнь*

Суворова. Также была имъ написана: *Жизнь Державина*, для новаго компактнаго изданія сочиненій пѣвца Фелицы. Въ Библіотекѣ для чтенія, издаваемой уже Ольхинымъ, печатался, сочинявшійся Полевымъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ, романъ: *Счастіе лучше богатырства*. Кромѣ всего этого, Полевой еще помѣстилъ въ эти года въ разныхъ изданіяхъ три—четыри повѣствовательные отрывка.

Съ Января 1846 года онъ началъ издавать въ Петербургѣ Литературную Газету, и въ началѣ этого занятія, нервическая горячка прекатила земные дни его....

Отъ 1841 года до дня кончины своей, Полевой издалъ особо слѣдующія свои сочиненія: *Іоаннъ Циммійскій, романъ въ двухъ частяхъ*, напечатанный въ Москвѣ; *Повѣсти Ивана Гудочника, въ 2-хъ частяхъ*, въ нихъ собраны заимствованныя изъ нашей древней Исторіи повѣсти, сказки и ортывки изъ романа, который былъ бы продолженіемъ Циммійскаго,—все это было напечатано въ Телеграфѣ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; *Были и Небылицы Ивана Балахирева, книжка первая*, съ политипажными картинками; *Иванушка дурачекъ, Русская сказка*, также съ политипажами; *Драматическія сочиненія и пере-*

воды Николая Полеваго, *въ 4 частяхъ*, то есть собраніе большой части его театральныхъ піэсъ, уже напечатанныхъ прежде: остальныхъ достанетъ еще тома на три; *Исторія Суворова*, въ одномъ большомъ томѣ, съ политипажными картинами; *Исторія Петра Великаго*, *въ 4 томахъ*: она была писана Полевымъ для политипажнаго же изданія, но когда началось впередъ другое политипажное изданіе Исторіи Петра Великаго, то Полеваго была напечатана просто; *Повѣсть о Великой битвѣ Бородинской*, съ портретами; *Русскіе Полководцы*, съ портретами. Уже когда Полевой лежалъ на смертномъ одрѣ, вышло въ свѣтъ вполнѣ, *Сто-*

лѣтіе Россіи отъ 5 сентября 1745 года по 5 сентября 1845 года, въ двухъ томахъ. Мысль написать это сочиненіе пришла въ умъ Полевому, когда онъ однажды стоялъ въ Казанскомъ Соборѣ подлѣ могилы нашего славнаго вождя воинскихъ силъ въ Отчесвенную войну, Свѣтлѣйшаго Князя Голенищева—Кутузова Смоленскаго, которому 5 Сентября 1845 года исполнился столѣтній юбилей, отъ дня рожденія его. Такимъ образомъ Полевой въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ описалъ всѣ событія Русской Исторіи, почти по день кончины своей. У Полеваго осталось уже напечатанное, но еще не выпущенное въ свѣтъ: *Обозрѣніе Рус*

ской Исторіи до единодержавія Петра Великаго, въ 1 томѣ. (*) Это сочиненіе долженствовало служить введеніемъ въ пространную Исторію Петра Великаго, которую, какъ мы сказали, Полевой приготовлялся писать, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ послѣднее время жизни своей онъ занимался сочиненіемъ *Исторіи Наполеона.* Не задогло до смерти Полеваго былъ напечатанъ отрывокъ изъ нее въ Невскомъ Альмонахѣ. Въ недавнемъ времяни (**) вышло въ свѣтъ это сочиненіе, въ 5 томахъ; это былъ послѣдній трудъ Н. А. Полеваго.

(*) Оно выдано въ свѣтъ вскорѣ по смерти Полеваго.

(**) Въ концѣ прошлаг 1848 года.

Онъ не кончилъ его; почти половина послѣдняго тома, заключающая окончаніе Исторіи Наполеона, написана по его плану, братомъ его К. А. Полевымъ. Въ 3 части Новоселья вышедшій уже по смерти Полеваго, помѣщены двѣ статьи его: *Тимонъ Афинянинъ*, вольные отрывки изъ драматической повѣсти Шекспира, и *Отрывки изъ завѣщанія книгопродавца сыну*.

Мы изчислили всѣ напечатанныя сочиненія и переводы Н. А. Полеваго, прибавьте къ нимъ еще много критическихъ и нѣсколько историческихъ статей, помѣщавшихся въ Телеграфѣ и въ другихъ періодиче-

кихъ изданіяхъ. Ежели напечатать полное собраніе всего этого, то оно составитъ большихъ томовъ пятьдесятъ въ осьмую долю. За тѣмъ остается еще безчисленное множество краткихъ Библіографическихъ статей и журнальныхъ споровъ Полеваго. Нельзя не удивляться его трудолюбію, плодовитости и способности на всѣ роды сочиненій. Въ періодѣ нашей литературы, называемымъ *Пушкинскимъ*, Полевой былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ писателей, вполнѣ Литераторъ *Европейскій*, имѣвшій сильное вліяніе *на образованіе Русскаго народа*. Посвятя жизнь свою Литературѣ по страсти къ ней, а не понеобхо-

димости, какъ многіе другіе Литераторы, Полевой, надѣленный отъ природы замѣчательнымъ талантомъ, не писалъ ни чего совершенно дурнаго. Ежели, что изъ его произведеній, написанное спѣшно, и не имѣетъ особенныхъ достоинствъ равныхъ лучшимъ его сочиненіямъ, то все выше произведеній бездарныхъ Литераторовъ. Всѣ сочиненія Полеваго проникнуты высокими мыслями, согрѣты благороднымъ, часто пламяннымъ, не поддѣльнымъ чувствомъ, полны Святой Вѣры, Надежды и Любви. О бовсемъ добромъ и благородномъ, великомъ и прекрасномъ, Полевой немогъ писать холодно. Онъ невольно воспламенялся гдѣ

только долженъ былъ говорить объ этомъ, въ повѣсти и въ Романѣ, въ критикѣ и въ Исторіи, даже въ маленькихъ статейкахъ,—и въ этихъ мѣстахъ слогъ и обороты рѣчи Полеваго носятъ печать одушевленной, увлекательной оригинальности, принадлежащей собсвенно ему: ее вы невстрѣтите у другихъ писателей. Урожденецъ Азіи, Полевой былъ вполнѣ просвѣщеннымъ сыномъ Европы девятнадцатаго вѣка. Не будучи ни льстецомъ, ни искателемъ, онъ говорилъ все отъ чистаго русскаго сердца своего, самъ вполнѣ убѣжденный въ томъ, что говоритъ, и ежели когда ошибался, то опять повторимъ,—и онъ былъ человѣкъ.

Народъ Русскій понималъ все это, и довѣрялъ словамъ Полеваго, и не возло, а во благо употреблялъ эту безцѣнную довѣренность Полевой до самаго своего гроба.

Полевой не въ однихъ только сочиненіяхъ, но и въ жизни своей былъ истинный сынъ Церкви, вѣрный слуга Престола, добрый семьянинъ и родственникъ, и радушный знакомый. Рѣвностно, посвящая всевремя жизни своей одной только Литературѣ, не жалѣя для нее своего здаровья, чему служатъ доказательствомъ тяжкія болѣзни, которымъ онъ часто подвергался въ жизнь, онъ умѣренными доходами отъ литературныхъ тру-

довъ содержалъ свое большое семейство. Въ настоящее время, когда уже многіе изъ его сверстниковъ литераторовъ, занимавшіеся не такъ усердно Литературою, другими дѣлами нажили себѣ сотни тысячъ, безкорыстный Полевой, не похищая у Литературы время для иныхъ занятій, немогъ оставить послѣ себя ни какого состоянія. Осиротѣлая семья его состоитъ по большой части изъ малолѣтныхъ дѣтей. Еще только старшаго сына Полевой начиналъ пріучать къ тому поприщу, которое проходитъ самъ, съ такою пользою для родины.

Оцѣнить безпристрасно литератур-

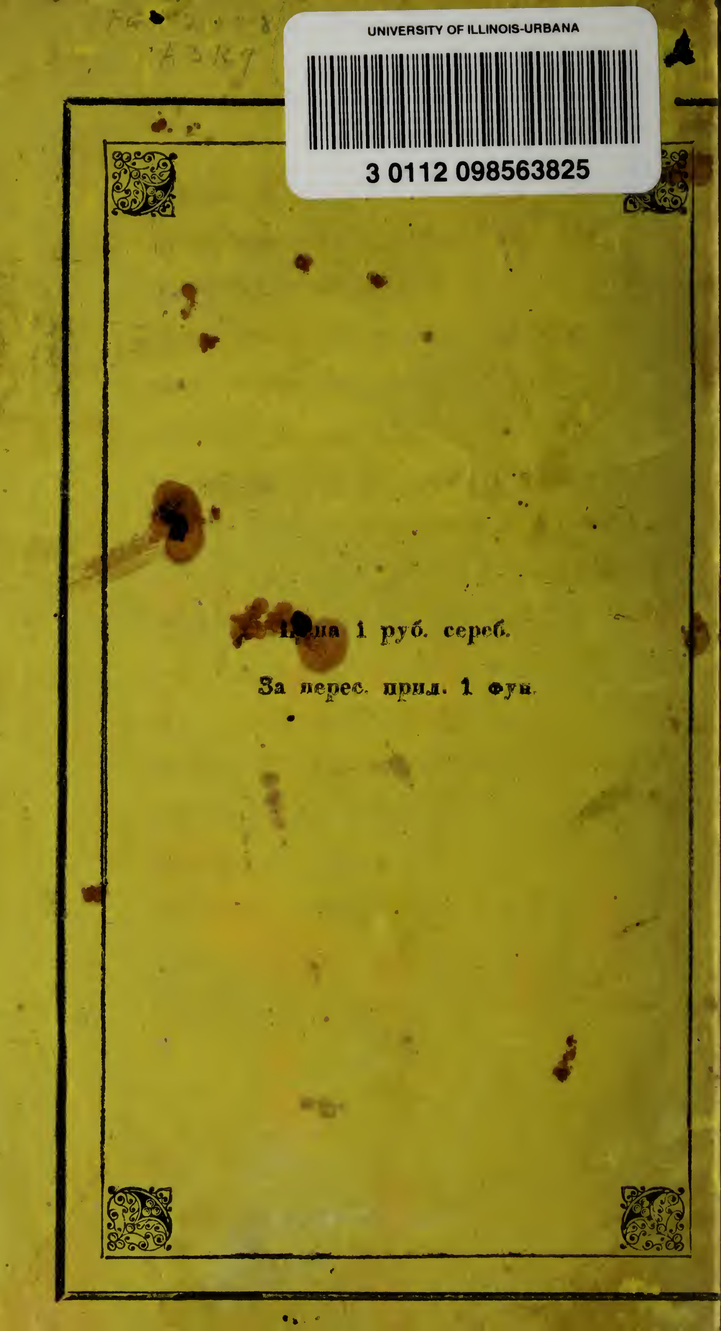
ныя произведенія Полеваго въ отношеніи къ словесности, назначить имъ въ ней настоящее мѣсто, предоставимъ дѣтямъ нашимъ: современники еще немогутъ произнести полнаго безпристраннаго суда Полевому, который находился въ тѣсной связи со всѣми съ ними. Сверстникамъ его помѣшаютъ вражда и дружба, молодымъ живыя воспоминанія и собственные текущіе интересы . . . .

Покойся съ миромъ по трудахъ своихъ, человѣкъ памятный добромъ *Землѣ Русской!*

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стра.	*Стро.*	*Напечатано.*	*Должно читать*
60	18	сиходѣ	исходѣ
65	14	сыскать	сыскалъ
105	5	худощивость	худощавость
106	15	имъ старыя	имъ: статья
108	17	препкатила	прекратила



Цѣна 1 руб. сереб.

За перес. прил. 1 фун.